

контексте, оказавшем воздействие на формирование Гоголя-драматурга, о вкладе А. А. Шаховского в подготовку почвы для появления «Ревизора».

1. Вишневская И. Л. Гоголь и его комедии. М., 1976. 2. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. Л., 1940—1952. 3. Данилов С. С. Гоголь и театр. Л., 1936. 4. История русской драматургии XVII—первой половины XIX в. Л., 1981. 5. Манн Ю. В. Комедия Н. В. Гоголя «Ревизор». М., 1966. 6. Старый русский водевиль. М., 1937. 7. Степанов Н. Л. Искусство Гоголя-драматурга. М., 1964. 8. Шаховской А. А. Комедии. Стихотворения. Л., 1961.

Статья поступила в редколлегию 29.10.89

М. В. Моклица, ст. преп.,
Луцкий пединститут

Взаимоотношения человека и природы в творчестве В. В. Вересаева

Проблема, вынесенная в заголовок, во всех ее сложных проявлениях не случайна в творчестве В. Вересаева. Если учесть, что годы жизни писателя совпали с тем бурным периодом в истории человечества, когда насущными стали вопросы классовой борьбы и социального переустройства, может показаться, что привязанность к теме «человек и природа» была чем-то побочным. Но это не так.

В мире совершалась революция, а ученый В. И. Вернадский напряженно размышлял о живом веществе планеты. Будь он помоложе и пойдти на баррикады, возможно, что самое великое открытие века, определяющее сегодня характер едва ли не всех естественных наук, не осуществилось бы. Но о Вернадском следует вспомнить и в прямой связи с задачами данной статьи. Становится все очевиднее, что учение Вернадского о биосфере, о неразрывной связи живого и неживого мира, о месте человека в мире природы, учение, важность которого для человечества определена лишь сравнительно недавно, предвосхищено в работах многих философов и в творчестве талантливых писателей. О неразрывной связи живого и неживого мира писал философ В. С. Соловьев, оказавший огромное воздействие на русскую культуру: «А целый органический мир, при всем своем и формальном отличии, нераздельно связан, однако и по составу, и по происхождению с миром неорганическим. Утверждать безусловную грань между этими двумя мирами так же, в сущности, неосновательно и противно духу науки, как если бы мы признали безусловную разнородность между твердым скелетом и мягкими тканями человеческого тела» [8, с. 86].

В советском литературоведении весьма ощутима власть стереотипов. Схемы эти, как правило, формировались еще при жизни писателей, в процессе литературной, идейно-эстетиче-

ской борьбы того или иного периода. Утвердившись единожды, они не позволяют исследователю сделать хоть шаг в сторону. Связь с идеалистической философией — один из наиболее распространенных стереотипов литературоведческого мышления. Интуитивизм Бергсона — реакционная философия, поэтому концепция «живой жизни» в творчестве Вересаева, которая испытала влияние философии Бергсона, автоматически считается «пагубно сказавшейся на ряде произведений» [4, т. 4, с. 518]. Имя Бергсона бросает мрачную тень на творчество В. В. Вересаева, как имена других философов — за спинами других писателей. А ведь великие научные открытия Вернадского и Циолковского, например, не стали ущербнее от того, что их авторы испытали влияние идеалистической философии.

Именно идеалистическая философия в конце XIX в. сформировала устойчивый интерес к проблемам человеческого подсознания, психологии, интуиции, наконец, к проблемам взаимоотношений человека и природы.

Если смотреть на творчество В. В. Вересаева непредвзято, то некоторые аспекты тех произведений, которые, как принято, подверглись влиянию идеалистической философии, оказываются сегодня весьма актуальными. Один из них — «человек и природа».

На протяжении всей истории существования человечества природа осмысливалась как категория враждебная, противостоящая человеку (эволюция от безграничного страха перед ней до призыва покорить природу не изменила сущности взаимоотношений). Но философия и искусство с давних времен пытались осуществить синтез двух категорий. Вернадский писал об этом в книге «Живое вещество»: «В ряде великих поэтических произведений выявляется точная связь всего живого» [5, с. 45]. Писатели интуитивно ощущали эту связь, а читатели воспринимали ее как мышление образами. Но в конце второй половины девятнадцатого века многие начали принимать связь человека и природы на более высоком философском и научном уровнях и воплощать проблему взаимоотношений человека и природы в своих произведениях. В. Соловьев ведет отсчет такому новому подходу от поэзии Ф. Тютчева. В конце XIX—начале XX в. уже трудно найти художника, который бы не интересовался теми или иными сторонами проблемы «человек и природа».

Что касается творчества Вересаева, то разговор необходимо начинать с «Записок врача». В литературоведении это художественно-публицистическое произведение оценивается прежде всего в плане его обличительных мотивов, как беспощадный суд «над нелепостью такого устройства общества, когда «бедные болеют от нужды, богатые — от довольства» [7, с. 166]. Несомненно, Вересаев беспощаден по отношению к существующей системе социального устройства общества. Тем не менее осмелимся утверждать, что на первом плане здесь другие вопросы.

Расширим, к примеру, приведенную выше цитату. «Нужны какие-то идеальные, для нашей жизни совершенно необычные условия, чтобы болезнь стала действительно «случайностью», при настоящих же условиях болеют все: бедные — от нужды, богатые — от довольства; рабочие — от напряжения, бездельники — от праздности, неосторожные — от неосторожности, осторожные — от осторожности. Во всех людях с самых ранних лет гнездится разрушение, организм начинает разлагаться, даже не успев еще развиться» [7, т. 1, с. 271]. Даже если не приводить более широкий контекст, видно, что Вересаев не столько противопоставляет классы, сколько уравнивает перед лицом общей опасности, которая грозит человечеству. Решить, правда, эту проблему нельзя вне социального переустройства, и в этом — пафос финала: герой становится в ряды борцов за изменение жизни.

Естественно, что обличительный мотив долгое время заслонял все остальное в книге. Но сегодня мы не можем не видеть, что Вересаев около сотни лет тому назад сформулировал проблемы, ставшие актуальными перед человечеством в конце XX в., — проблемы, игнорирование которых привело к страшному противостоянию мира человека и мира природы, грозящему гибелью всему живому. Так называемая эволюция человечества выразилась прежде всего в ослаблении естественных связей с природой: «Орган обоняния принял у нас уже совершенно зачаточный вид; сильно ослабела способность кожных нервов реагировать на температурные колебания и регулировать теплообразование организма. Атрофируется железистая ткань женской груди; замечается значительное падение половой силы; кости становятся более тонкими, первое и два последних ребра выказывают наклонность к исчезновению; зуб мудрости превратился в зачаточный орган и у 42 % европейцев совсем отсутствует; предсказывают, что после зубов мудрости последуют смежные с ними четвертые коренные зубы; кишечник укорачивается, число плешивых увеличивается...» [4, т. 1, с. 376]. Медицина же вместо того, чтобы слабых делать сильными, «сильных делает слабыми и стремится всех людей превратить в жалкие, беспомощные существа, ходящие у медицины на помочах» [4, т. 1, с. 371]. Только недавно медицина начала предпринимать попытки не залечивать болезни, а делать человека сильным в борьбе с ними; пока что — это удел энтузиастов-одиночек. «Ну а как же физкультура и спорт? — возразит кто-то. — Это ведь и есть предупреждение болезней, укрепление человеческого организма. Потом — гигиена, профилактика...». Вересаев предвидел, что медицина пойдет именно по этому пути. Сделано много, и сама медицина по сравнению с 90-ми годами прошлого века — гигантский шаг вперед. Но наше здоровье не улучшилось, и то, о чем пишет Вересаев, не утратило актуальности и сегодня.

Писатель категоричен: «Чтобы развиваться физически, взрослый человек должен физически работать, а не «упраж-

няться» [4, т. 1, с. 380]. Вспоминая о жизни в деревне, Вересаев пишет о благотворном влиянии здорового крестьянского труда. «И все-таки в городе, — продолжает он, — я живу жизнью интеллигента, работая только мозгом. Первое время я пытаюсь против этого бороться, — упражняюсь гирями, делаю гимнастику, совершаю пешие прогулки, но терпения хватает очень ненадолго, до того все это бессмысленно и скучно... И если в будущем физический труд будет находить себе применение только в спорте, лаун-теннисе, гимнастике и т. п., то перед скукою такого «труда» окажутся бессильными все увещания медицины и все понимание самих людей» [4, т. 1, 380—381]. Стоит понаблюдать, хоть беглым взглядом за тем, как наши школьники и студенты относятся к физкультуре, с одной стороны, и к физическому труду — с другой, станет ясно, что к Вересаеву стоит прислушаться. Если в 50-е годы еще можно было упрекать Вересаева в «недооценке» того обстоятельства, что социалистическое государство «исключительно заинтересовано в оздоровлении народных масс» и что «нет, не беспомощным стоит человек в социалистическом обществе перед природой» [6, с. 111, 108], то сегодня уже невозможно делать вид, что в этом отношении все в нашем обществе благополучно.

Вересаев много пишет о физическом здоровье человека, но решает проблему вместе с нравственными, этическими и эстетическими вопросами. «Мы стыдимся и не уважаем своего тела, поэтому мы и не заботимся о нем, вся забота обращена на его украшение, хотя бы ценою полного его изуродования.

Бесполезно гадать, где и на чем установятся в будущем пределы стыдливости, но в одном нельзя сомневаться, что люди все с большей серьезностью и уважением станут относиться к природе и ее законам, а вместе с этим и перестанут краснеть за то, что у них есть тело и что это тело живет по законам, указанным природою» [4, с. 1, с. 387].

Интерес к проблемам человеческого подсознания, к загадкам интуиции, может быть, порой чрезмерный, пришел вместе с осознанием того, что многие поступки, чувства, мысли определяются не только социальным статусом или воздействием среды, но и биологическим устройством человека. Вовсе не случайно рубеж веков ознаменован также бурным развитием науки, изучающих биологическую основу человеческого организма и его деятельности.

Для Вересаева-врача эти вопросы были областью профессиональных интересов. Не могли они остаться и вне Вересаева-художника. Со временем они в какой-то мере даже вытеснили интерес к социальным проблемам и порой воспринимались современниками как неуместные и вредные попытки увода от революционной действительности. Относится это прежде всего к повести «К жизни», единодушно отвергнутой современниками. Обиженный непониманием, писатель попытался пробиться к

читателю еще раз с теми же размышлениями, но уже в иной форме (исследование «Живая жизнь»).

Итак, повесть «К жизни», написана в годы реакции вместо отложенной повести о революции 1905 г. Впрочем, повесть «К жизни» — тоже о революции. В повести рассказывается о человеке, принимавшем непосредственное участие в революции. Главный герой повести, интеллигент Чердынцев, ведет три сюжетных линии. Первая связана с затухающей революционной борьбой, в которой еще случаются всплески (выступление Чердынцева перед черносотенцами), но уже ясно, что поражение неминуемо. Не всем удается сохранять в этой ситуации оптимизм, важно другое — продолжится ли борьба в будущем, не отвернутся ли от революции люди, в том числе и Чердынцев. Две других сюжетных линии — отношения Чердынцева с двоюродным братом Алешей и декаденткой Катрой — накладываются на первую и дают широкую панораму настроений после поражения революции. Поражение выявило несостоятельность тех, кто участвовал в борьбе стихийно: Алеша кончает жизнь самоубийством, Катра постепенно переходит в стан врагов революции. Чердынцев мечется, напряженно размышляя о смысле жизни. Но все же нет оснований утверждать, что он стал другим: «Не теперешняя наша мелкая неудача надела на меня темные очки. Давно уже мне начинает казаться, что мы обманываем себя и не видим того, что есть. Повторяем грозные фразы о своей силе и непримиримости, а волны спадают, и скоро мы будем на мели.

О, я верю и знаю, воротятся волны, взмоют все выше и падут наконец проклятые твердыни мира. Я не робю об этом. Но я ясно вижу теперь — не тем живут эти люди, чем живут Мороз, Розанов, Дядя-Белый (профессиональные революционеры, не прекращающие борьбу. — М. М.). Тогда иначе было бы все, и больше было бы побед. Не в борьбе их жизнь, не в широком размахе напрягавшихся сил.

А в чем?

Мне не интересны десятки. Вот эти сотни тысяч мне важны — стихия, только мгновениями способная на жизнь. Чем они могут жить в настоящем?.. А подумаешь о будущем, представишь их себе, — осевших духом, с довольными глазами. Никнет ум, гаснет восторг. Тупо становится на душе, сытно и противно, как будто собралось много родственников и все едят блины» [4, т. 4, с. 44].

Чердынцев пытается понять, какое место занимал в борьбе каждый из известных ему людей, что с ними будет дальше. Судьба Алеши, принимавшего участие в революции и после ее разгрома решившего уйти из жизни, заставляет Чердынцева искать точку опоры, которая могла бы остановить Алешу, помочь самому Чердынцеву в трудное время обрести почву под ногами. Алешу удержать не удалось. Поиск смысла жизни, не связанной с борьбой, после смерти брата обострился до кризисного состояния. Исчезли те тормоза, которые удерживали

Чердынцева от связи с Катрой. Омут темных страстей, в который окунулся герой, приводит его к мысли о зависимости человека от неких таинственных сил: «Могучий Хозяин моего сознания, он раб неведомых мне сил: неотступно силы эти стоят над ним, — над ним, над человечеством, над всею жизнью... Покорно плетусь я, куда ведет меня мой темный Хозяин-раб; высшее, до чего может подняться мой ум, — это сознать зависимость себя — свободного и бессильного» [4, т. 4, с. 62]. Это тупик, в который герой неизбежно должен был прийти. Здоровое начало удержало его от нравственной деградации. Живя в деревне, Чердынцев по-прежнему жадно наблюдает людей, делает простую крестьянскую работу. Старый, немощный Степан вынужден работать, чтоб поддержать сына, у которого большая семья. Тяжелая жизнь не озлобила его, не замутила душу. Когда разворачивается конфликт между матерью Катры и крестьянами, Катра проявляет столько ненависти и жестокости к крестьянам, что Чердынцев понимает — они враги и с облегчением порывает с ней. Конфликт с Катрой, его разрешение помогли Чердынцеву в его напряженных поисках. Просветление и уход от темных сил подсознания осуществились: «И вдруг из немигающих, вытаращенных глаз зверушки глянула на меня вся жизнь кругом — вся таинственная жизнь притихшей в прохладе лощины. Я оглянулся.

Средь темной осоки значительно и одухотворенно шевелилась кудряво-розовая дрема. И все в ней было жизнь. И всюду была жизнь в свежей тишине, пропитанной серьезным запахом дуба и ароматами трав. Как будто лощина не заметила, как я вошел в нее, не успела притвориться безжизненной и — все равно уже — зажила на моих глазах, не скрываясь. Всем утром я почуял вдруг эту чужую, таинственно молчащую жизнь. Жутко становилось. И что-то радостно дрогнуло внутри и жадно потянулось навстречу» [4, т. 4, с. 103—104]. Исчез мучивший героя Хозяин-раб. Он приходит к пониманию самоценности жизни, ощутив себя частью огромного и прекрасного мира. Финал повести подчеркнуто оптимистичен:

«Зачем жизнь? Нетерпеливо вдруг сверкнул воздух, и гневный негодующий грохот покатился по небу. Бешено рванулся ветер. Черное и грозное быстро мчалось поверху.

Хотелось смеяться, хотелось протягивать руки.

Не гневись, великан! Я только шутил, — шутил поштою человеческою шуткою... Жизнь! Жизнь! Не оскорблю я тебя, не вложу в тебя вопросов подгнивающей собственной души. Я далек от тебя, трудно различаю тебя сквозь мутный туман, но теперь я знаю! Я знаю.

Перекатывался гром. Выл сухой ветер, захватывая дыхание, трепал одежду. И вся жизнь вокруг завилась вольным, радостно-пьяным ураганом» [4, т. 4, с. 118].

Путь героя в дальнейшем не подлежит сомнению. Уже ничто не помешает ему, ни на минуту не усомнившемуся в революции и перешагнувшему через пессимизм и потерю смысла

жизни, снова пойти на баррикады. Так была ли повесть «К жизни» шагом в сторону? Понятно, почему не приняли ее современники: для декадентов она была слишком светлой, для реалистов — слишком сложной (в плане углубления в тайны подсознания), для критиков-марксистов — недостаточно революционной. Но иногда и современные литературоведы оценивают повесть следующим образом: «Пережив увлечение и революцией, и мещанским идеалом сытого довольства настоящим, и декадентством, Чердынцев во второй части повести обретает истинный, по мнению писателя, смысл жизни. Подлинное счастье людей в близости к крестьянскому труду, связанному с «матушкой-землей», в постоянном общении с вечно юной природой; именно таким путем и возможно нравственное совершенствование человека. Теория «живой жизни» сильно отдавала толстовством» [2, с. 32], и это можно объяснить только инерцией мышления. Особенно, если учесть, что оценка эта принадлежит автору одной из самых смелых статей о Вересаеве, поставившей вопрос о художественном методе писателя [2].

Следует сказать, что повесть «К жизни», действительно, как отмечают исследователи [6], не является удачной в художественном отношении. К сожалению, те или иные недостатки художественного плана свойственны всем тем произведениям, где писатель изменяет своему принципу «невыдуманной жизни» и прибегает к «голому» вымыслу. Объяснение этой закономерности требует отдельного разговора. Но очевидно, что вовсе не в концепции «живая жизнь» — причина художественных недостатков повести.

Нет возможности в рамках короткой статьи рассмотреть сколько-нибудь полно философские аспекты концепции «живая жизнь». Да и время для этого, может быть, лишь приближается. Мы только начали открывать материк отечественной философии, в частности — идеалистической, воспринимать ее по-другому. Но зато, выражаясь современным языком, экологическая сторона концепции вполне поддается анализу. При этом становится очевидным, что надо вести речь не только о тех произведениях, в которых концепция «живой жизни» названа «открытым текстом», но обо всех, где речь идет о природе. И те, и другие объединены восхищением перед совершенством, мудростью и целесообразностью природы, которая вся, включая и человека, — живая жизнь.

В «Невыдуманных рассказах» Вересаев наблюдает повадки животных (цикл «Друзья в масках»), открывая у них элементы сознания. Каждым таким наблюдением он приближает мир животных к миру человека. Грань, разделяющая людей и животных, становится зыбкой и временами почти совсем исчезает.

В литературоведческом исследовании мысли о «живой жизни» обретают черты философской системы. Она опирается на мировоззрение одного художника (Л. Толстого) и отталкивает

ся от мировоззрения другого (Ф. Достоевского). Противопоставляя Достоевского и Толстого, Вересаев не возвышает и не снижает одного за счет другого. Как и Горький, написавший приблизительно тогда же статью «О карамазовщине», Вересаев понимает, что в годы реакции обществу важнее жизнеутверждающая позиция Толстого, что надо нейтрализовать широкое воздействие на массы пессимистических сторон творчества Достоевского. Вересаев пишет: «К важнейшим вопросам жизни Достоевский подходит с меркою разума и логики. Какое может быть для человека разумное основание любить людей, быть нравственным и благородным? Какая логика может заставить его жить и ценить жизнь, раз его ждет неизбежная смерть? Какой вообще может быть смысл в этой жизни, которая полна ужасов и скорбей? Ни на один из вопросов разум не может дать логического ответа... Толстой вообще относится к разуму с глубочайшим недоверием. Сложная жизнь не укладывается для него в ограниченные рамки слов, мыслей и убеждений. Твердость и определенность убеждений вернее всего свидетельствуют об оторванности от жизни» [4, т. 3, с. 344—345].

Можно спорить с оценкой, которую дает Вересаев двум великим писателям, но нельзя не восхищаться логикой и совершенством построения книги, точностью и остроумием наблюдений, оригинальностью суждений писателя. Нельзя не прислушаться к общему выводу книги: «Живая жизнь не может быть определена никаким конкретным содержанием. В чем жизнь? В чем ее смысл? В чем цель? Ответ может быть только один — в самой жизни. Жизнь сама по себе представляет высочайшую ценность, полную таинственной глубины» [4, т. 3, с. 368].

Если бы человечество вовремя осознало, что жизнь сама по себе величайшая ценность, может быть, не оказалось оно на краю пропасти.

1. *Бабушкин Ю. В.* Вересаев: К столетию со дня рождения. М., 1966.
2. *Бабушкин Ю.* Об одной историко-литературной легенде // *Вопр. лит.* 1969. № 6.
3. *Бабушкин Ю.* Вступительная статья и комментарии к пятитомному собранию сочинений В. В. Вересаева. М., 1961.
4. *Вересаев В. В.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1961.
5. *Вернадский В. И.* Живое вещество. М. 1978.
6. *Гейзер И. М. В. В.* Вересаев — писатель-врач. М., 1957.
7. *Русская литература XX века: Дооктябрьский период.* К., 1984.
8. *Соловьев В. С.* Поэзия Ф. И. Тютчева // *Наше наследие.* 1988. № 2.
9. *Шепелева Л. С.* Проблема интеллигенции в прозе 20-х годов и роман Вересаева «В тупике» // *Вопросы истории и теории литературы.* Челябинск, 1970. Вып. 5.

Статья поступила в редколлегия 28.04.88